

ЭКОНОМИКА

УДК 330.1, 330.3, 338.2

А. М. Новикова, В. И. Пейтнев, Л. А. Титова

Вызовы глобализации для экономики России

В статье обосновано авторское видение глобализации и ее влияния на экономику России.

Ключевые слова: глобализация, экономика России, кризис глобализации, интегративные знания, многовекторность энергетической политики, третий энергопакет Евросоюза, модернизация и реформирование, альтернативные энергоносители.

A. M. Novikova, V. I. Peftiev, L. A. Titova

Globalization Challenges to Economy of Russia

In the article the authors' vision of globalization and its influence on economy of Russia is proved.

Keywords: globalization, economy of Russia, a globalization crisis, integrative knowledge, multivectorness of power policy, the third power package of the European Union, modernization and reforming, fuel alternatives.

Результатом любого серьезного исследования может быть лишь появление двух новых вопросов на месте одного прежнего.

Торстен Веблен

Познание и управление глобализацией (мера управления составляет особую тему для дискуссии) – серьезный экзамен на зрелость для теоретиков, политиков, хозяйствующих субъектов и рядовых граждан, ибо глобализация является а) сложной *системой* в стадии становления (еще не органичное образование); б) новым *феноменом* с нераскрытой полностью сущностью и подвижными границами; в) незавершенным и противоречивым *процессом*. Отсюда множественность определений глобализации. Глобализация, в представлении философов постмодернизма (Ж. Делёз, Ф. Гваттари) предстает как ризома (от французского корневище), то есть запутанные корни; у ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни «генетической оси», ни единого кода. [16]. Глобализация мировой экономики на рубеже XX–XXI вв. – это итог предшествующего развития и особый этап диверсификации и интенсификации внешнеэкономической деятельности ключевых стран и ведущих макрорегионов мира (США, ЕС, СНГ, КНР, АТР и др.). Глобализация – это движение (поступательное и/или нелинейное) к целостности, обеспечивающей устойчивость к потрясениям (шокам) внутреннего и внешнего происхождения.

Глобализация имеет тройственную природу: шанс, вызов и угроза. Шансами глобализации более или менее успешно пользуются производители и потребители, инвесторы и кредиторы, учредители и менеджеры, игроки на мировых и региональных товарных и финансовых биржах, банкиры и страховщики, а также миллионы пользователей образовательных, медицинских, туристических, спортивных и других услуг. Угрозы глобализации затрагивают коренные интересы аграриев, неконкурентных отраслей обрабатывающей промышленности, других сфер экономики. Наименее изучены вызовы глобализации (нестандартные задачи, не имеющие апробированных решений).

К вызовам глобализации относится современный финансово-экономический кризис, сочетающий в себе общее, особенное и уникальное. Особенное и уникальное в этом кризисе вызывает разноречивые толкования: начало и завершение (2007–2011, 2008–2009, для России – 2008–2010); сравнение с Великой депрессией (1929–1939); многофакторность кризиса; прогнозы относительно второй волны кризиса. Полагаем, что главным критерием завершения делового цикла должен стать выход на докризисные величины основных макроэкономических индикаторов (ВВП, инвестиции, внешняя торговля, потребление, доходы, инфляция и др.) по мировой экономике, центрам мирового хозяйства и конкретной стране. Для России важно

учесть не только динамику ВВП, но и ситуацию по комплексам (ТЭК, ОПК, АПК, машиностроение, ввод жилья) и регионам (продвинутые и депрессивные). При таком подходе к текущему кризису ситуация выглядит мозаичной и разнонаправленной [5]. Что касается многофакторности мирового финансово-экономического кризиса, то весомый вклад в его генезис, длительность и тяжелые последствия внесли следующие факторы.

– Отрыв финансовой глобализации от реально-го сектора экономики, ажиотажный спрос на производные ценные бумаги (деривативы), строительство многоярусных финансовых пирамид под флагом гарантирования банковских активов и кредитов, запредельные долги агентов финансовых рынков, текущие спекулятивные операции и др. В связи с этим возрастает методологическое значение *фиктивности* капитала (в интерпретации К. Маркса) и *виртуальности* (новое понятие, обозначающее повышенное внимание к ожиданиям взаимодействующих субъектов рынка). Отсюда и гипертрофия значения капитализации в оценке деятельности корпораций. Поэтому мы определяем современный финансовый капитал как сращивание реального (производительного капитала), фиктивности и виртуальности. Данное явление должно стать предметом углубленных политико-экономических исследований.

– Разнонаправленные тенденции в сфере накопления капитала: *дефицит* инвестиций, особенно прямых, в основной капитал и избыток сбережений, свободных денежных ресурсов, вызывающий встречные оттоки капитала, в том числе и «бегство» из-за неблагоприятного делового климата. В связи с этим предстоит продолжить изучение сферы накопления капитала, то есть принять эстафету от К. Маркса, Й. Шумпетера, Дж. Арриги, П. Боккара и др. и зафиксировать новые тенденции в реалиях XXI в. Обнаружены и описаны новые факторы мобильности международного капитала: максимизация прибыли, емкость национальных и международных финансовых рынков, сроки окупаемости капитала, безопасность инвестиций и др. [7].

– Технологическая «пауза» (В. М. Полтерович) с переходом от V к VI технологическому укладу (ИКТ, геновая инженерия, нанотехнологии, «гибридная» и малая энергетика). Внедрение инноваций высших поколений ожидается через 2–3 десятилетия. И по этой версии мирового кризиса пока не наблюдается согласования позиций ученых «на виду» и исследовательских центров. Аналогичный кризис имел место с плановой экономикой СССР,

оказавшейся неспособной на прочные и эффективные инновации с начала 80-х годов XX века [8].

Теория кризиса оказалась под ударом мирового экономического кризиса. Отметим новые проблемы, нуждающиеся в плодотворном обмене идеями, информацией, гипотезами.

Применима ли концепция больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева к анализу кризиса 2008–2009 гг.? Позиции ученых разделились, вплоть до полярных. Отдельные авторы отрицают существование циклов Кондратьева за пределами XIX в. [13]. Чаще всего материальной базой долгосрочных циклов считают смену технологических укладов (С. Ю. Глазьев). А. Г. Худокормов (МГУ) связывает волны Кондратьева (повышательную и понижательную) с нелинейной эволюцией экономической доктрины (марксизма, неоклассики, кейнсианства, институционализма). Эту гипотезу не поддержали на теоретическом семинаре экономического факультета МГУ (В. Н. Черковец, А. В. Бузгалин, Р. Т. Зяблюк, П. А. Покрыган, А. М. Белянова и др.) [9].

Еще одна особенность привлекает внимание исследователей. С одной стороны, кризис 2008–2009 гг. действительно мировой кризис: в него втянуты и развитые, и развивающиеся страны (бывший «третий мир»), и регионы с возникающими рынками (Центральная и Восточная Европа, Балтия, СНГ). Но, с другой стороны, избежали кризиса Польша, группа БРИКС (без России), страны Юго-Восточной Азии. Китай и Индия показывают темпы экономического роста, превышающие среднемировые. Китай сохраняет достаточно высокий экспортный потенциал, а ориентация на внутренний рынок еще не претворена в значимые достижения. Индия по-прежнему располагает мощным заделом на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). ЮАР демонстрирует устойчивый иммунитет к кризису [14]. Успешно развиваются африканские страны, обладающие энергетическими и минеральными ресурсами (Ангола, Нигерия, Судан, Алжир и др.). В новом раскладе потенциалов в мировой экономике не стоит забывать амбиции таких стран, как Австралия, Мексика, Турция, Иран, Индонезия, Вьетнам и др.

Геоэкономическая перестройка ставит перед Россией сложные дилеммы. Утвердится ли дуополия США – КНР и место в ней России? Что предпочтительнее для России: сотрудничество с Евро-союзом или движение в сторону Китая, Центральной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)? Что делать для ускоренного продвижения Таможенного союза (Россия, Белоруссия, Казах-

стан), формирования Единого экономического пространства (ЕЭП), а в дальнейшем и евразийского экономического союза?

Отнюдь не праздным является вопрос о времени выхода большинства стран из мирового кризиса. Аналитики-пессимисты предупреждают: кризис – нормальное состояние на текущее десятилетие (А. Улюкаев, ЦБ России) [2]. Н. Шмелев и В. Федоров ссылаются на неизбежность ошибок при прогнозировании: прогноз – это почти всегда запрограммированная ошибка в силу непредсказуемости экономики, ибо он (прогноз) опирается лишь на известное, ему неведомо грядущее [12].

Мировой кризис 2007–2011 гг. с его классическими проявлениями (рецессия, депрессия, безработица, инфляция, банкротство) скрывает кризис институтов и инструментов глобализации [6]. Системный кризис глобализации – это:

- кризис нециклической природы, отличающийся от известных в науке моделей (Китчина, Жюгляра, Кузнеца, Кондратьева);

- чрезмерная вовлеченность суверенных государств (включая и развитые) в мирохозяйственные кризисы, ставшая угрозой для национальной безопасности;

- нелинейность глобализации, возможность частичного свертывания отдельных интеграционных проектов и программ;

- возрождение отдельных проявлений неопротекционизма;

- кризис неолиберализма на международной арене и в экономической политике;

- неудовлетворенность итогами деятельности МВФ и ВТО, встреч в верхах (С-8 и С-20);

- усиление регионализма, то есть опора на межгосударственные альянсы по макрорегионам и/или таможенные союзы и зоны свободной торговли (ассоциации, партнерства);

- долговой кризис периферии Евросоюза (Греция, Португалия, Испания и др.) с угрозой суверенного дефолта и выхода из зоны евро;

- негативная морально-политическая оценка глобального капитализма с его культом наживы, эгоизма, пренебрежения к общественным ценностям.

Видимо, этот перечень симптомов системного кризиса глобализации может быть продолжен. Взаимосвязи между кризисом первого типа (деловые циклы) и второго типа (кризис глобализации) еще предстоит установить. В порядке начального приближения к проблеме выскажем свои соображения. Приметы системного кризиса глобализации накапливались десятилетиями существования ка-

питализма и рыночной экономики, но спусковым механизмом стал финансово-экономический кризис. В кризисе глобализации доминируют качественные характеристики, часть из которых не всегда измеряема инструментами экономики. Не везде и не всегда адекватно формируются причинно-следственные связи между слагаемыми вышеназванных типов кризиса. Вполне вероятно, что мировая экономика, ее приоритетные рынки и интеграционные объединения выйдут на траекторию (тренды) социально-экономической динамики, а кризис глобализации сохранится и даже усилится. Ожидаем, что системный кризис глобализации подтолкнет страны к реформированию и модернизации рыночных институтов и установлению межгосударственных отношений на началах прочного партнерства и долгосрочного сотрудничества. Мир, полагаем, станет обновленным.

Глобализация – объект наивысшего класса сложности, что предполагает обращение к концептуальному плюрализму и интегративным знаниям. В разном терминологическом обрамлении к этому выводу пришли многие ученые. Глобализация как система питается двумя потоками энергии (внешней и внутренней). Выход из равновесия этих потоков (кризис) неизбежно приведет к переструктурированию системы [15]. Кризис глобализации, на наш взгляд, ускоряет ее вступление в новый этап, с зарождением новых тенденций и модификацией старых. В учебнике по экономической теории (под общ. ред. А. А. Пороховского. – М.: Кодекс, 2010) допускается в известных пределах нахождение совместимого в политэкономии, неоклассике, неокейнсианстве, институционализме, макро- и микроэкономике [10]. Е. Островская ратует за поиск *системного анализа* и отказ от жестких теорий, учет многовариантности, дискретности в пространстве и времени [11]. За методологический плюрализм (не абсолютный, а относительный) выступают В. Василенок и Н. Шапиро [1].

Глобализация – главный фактор трансформации экономических отношений и модификации рыночных институтов. Покажем основные направления влияния глобализации на национальные экономики и мировое хозяйство на материале нефтегазового комплекса (НГК), рынков нефти и газа.

Нефтегазовый комплекс (НГК) возникает как объект и предмет экономической теории. Глобализация разрушает междисциплинарные перегородки, открывает простор для интегративных знаний (нахождения совместимого в разных концепциях), успешно примененных в философии, социологии, психологии. Интегративные знания – это не сино-

ним механического сцепления разнородной информации, а попытка, образно говоря, сомкнуть разрозненные отрезки в геометрические фигуры. Эклектика в изначальном смысле этого понятия предстает как отбор *наилучшего* в сравниваемых концепциях, как начальная *ступень* органического синтеза. НГК дает веские основания для его отнесения к объекту и предмету экономической теории:

– НГК в любом измерении (глобальный, национальный, регионально-отраслевой) полифункционален: сбалансированная и безопасная энергетика пополнила список глобальных проблем современности (наряду с нищетой и бедностью, изменениями климата, борьбой с терроризмом); энергоносители выступают как ресурсы, факторы производства и товар; нефть и газ имеют конкурентов в лице альтернативных энергоносителей; нефтегазовому комплексу организационно и технологически присуще тяготение к вертикальной интеграции; нефть и газ являются инструментом геоэкономики и политики; рынки нефти и газа совмещают в себе все или почти все образцы рыночных структур.

– Нефтегазовый сектор мировой экономики является одним из лидеров глобализации благодаря своему присутствию в любом уголке планеты и непрерывной эволюции экономических отношений.

– НГК отличается от других сфер глобализации (например, финансовой глобализации) дуализмом, сочетанием в себе индустриальных и постиндустриальных производительных сил, а также сохранением крупных сфер ручного труда.

– Рынки нефти и газа предстают как поле взаимодействия экономики и политики суверенных государств и транснациональных корпораций (ТНК) и попадают (частично) в компетенцию международных экономических организаций (ОПЕК, МЭА, ЕК, МВФ).

– Нынешний этап глобализации является главным фактором трансформации экономических отношений и модификации рыночных институтов (цены, конкуренция, рента) во всех звеньях мирового хозяйства и национальных экономик, в первую очередь в нефтегазовом комплексе.

Концептуальный плюрализм позволил собрать рациональные элементы в геоэкономике, синергетике, институционализме, поведенческих концепциях и найти применение интегративным знаниям в экономической теории.

Энергоносители (нефть и газ) относятся к классу всеобщих благ (национальное достояние), требующих контроля со стороны суверенного госу-

дарства и гражданского общества по всем фазам воспроизводства (от оценки месторождений до переработки, предложения и спроса конечной продукции). Нефть и газ – всеобщие блага, но это не дает права другим странам на вторжение в суверенитет конкретной страны. За доступ к нефтегазовым ресурсам необходимо предоставить инвестиции и доли в собственности совместных предприятий.

Нефтегазовые компании формируют особое экономическое пространство (кластеры), которое через механизм взаимодействия интегрированных воспроизводственных ядер (Э. Кочетов) и сетевых связей (М. Кастельс) обеспечивает синергетический эффект и создает предпосылки для модернизации национальных экономик. Кластеры можно формировать по месторождениям, ТНК, мегарегионам и внутри страны.

Глобализация зарождает особый тип конкуренции (олигополистической конкуренции), сочетающей в себе конкуренцию между олигополиями (ТНК) и сращивание разных видов рыночных структур (несовершенной конкуренции, естественной монополии, государственно-частного партнерства).

Дифференциация рынков нефти и газа по макрорегионам (США, ЕС, АТР) сопровождается дуализмом ценообразования по правилам товарного рынка и рынка ценных бумаг (нефтяные фьючерсы), множественностью цен и условий торговли (цены пакетных соглашений, контрактные, спотовые, премии за неизвестность и др.).

Наблюдаются перемены в создании, присвоении и распределении нефтегазовой ренты. Новым является поведение трех претендентов на ренту: а) добытчиков и разработчиков нефти и газа, имеющих, как правило, льготы и привилегии разного свойства; б) чиновников, оформляющих лицензии и устанавливающих правила эксплуатации месторождений; в) отраслей и работников, получающих социальные компенсации, бюджетные субсидии, льготные кредиты и государственные гарантии за счет перераспределения рентных доходов от деятельности НГК внутри страны и за рубежом. Соискание ренты сопряжено с немалыми издержками для общества, так как весомая часть ресурсов (корпоративных и общественных) отвлекается на борьбу за доминирующее положение на рынке и в обществе. Эти транзакционные издержки (ТАИ) имеют иную природу, нежели те, которые поразумевал Р. Коуз. Они ненаблюдаемы, с трудом поддаются регистрации и денежной оценке. В конкуренции

за присвоение ренты всегда будут выигравшие и проигравшие. Диспаритеты в распределении рентных доходов ведут к загниванию или деформации назревших структурных и институциональных реформ. Ожидается гиперконкуренция за инновации и соответствующую ренту [12].

Обозначим вызовы глобализации для экономики России. Макроэкономическая ситуация существенно различается по основным центрам добычи и экспорта нефти и газа (Африка, Ближний Восток, Центральная Азия, бассейн Каспийского моря, Арктика, Австралия, северная и Южная Америка). Обеспеченность первичными энергоносителями неодинакова и по годам, и по странам. Эти тенденции порождают многовекторность энергетической политики: каждая страна-экспортер или импортер может и/или хочет диверсифицировать поставки нефти и газа. Международное энергетическое агентство прогнозирует важные перемены на рынках нефти и газа: газ потеснит нефть и уголь; возрастет значение нетрадиционного газа; США потеснят на рынках России и Ближний Восток; главное конкурентное преимущество – технологии, а не запасы. Мир на пороге энергетической революции. [3]. В СНГ Казахстан, Туркмения, Азербайджан превратились в конкурентов «Газпрома» и других ТНК России. Непропорционально возросла роль транзитных стран (Украины, Белоруссии, Турции). Россия остается крупнейшим поставщиком энергоносителей в Европу, но имеются перспективы – пока среднесрочные – наращивания поставок нефти и газа в Китай, Японию, страны АТР. Проектируются и вводятся в эксплуатацию нефтегазопроводы в обход России. Нефтегазовая инфраструктура пересматривается в сторону строительства заводов и терминалов для сжиженного природного газа (СПГ) и подземных газохранилищ. Россия не обладает мощными месторождениями сланцевого газа. Начисто забыт опыт добычи сланцевого газа в СССР. [4]. Запоздывает модернизация и реформирование НГК России.

Эти и другие вызовы глобализации таковы, что выбор энергетической политики из имеющихся альтернатив и возможных сценариев развития событий и определение ее места в модели развития России объективно являются сложной задачей, для решения которой необходимо общественное согласие и конструктивные предложения от власти, бизнеса и оппозиции.

Библиографический список

1. Василенок, В. Методологические аспекты курса «Современные экономические концепции» [Текст] / В. Василенок, Н. Шапиро // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 154–157.
2. Ведомости. – 2011, 16 декабря.
3. Ведомости. – 2012, 30 мая.
4. Вовейков, Е. В. Большой сланцевый проект 1930-х гг.: Ленинград и Поволжье [Текст] / Е. В. Вовейков // Вопросы истории. – 2012. – № 5. – С. 113–122.
5. Дятлов, С. Инновационная гиперконкуренция как фактор развития экономической системы [Текст] / С. Дятлов // Экономист. – 2012. – № 5. – С. 69–76.
6. Зубаревич, Н. Выход из кризиса: региональная проекция [Текст] / Н. Зубаревич // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 67–83.
7. Зуйков, Р. Истоки глобального кризиса и разработка концепции движения международного мобильного капитала [Текст] / Р. Зуйков // МЭ и МО. – 2012. – № 4. – С. 16–24.
8. Корнаи, Янош. Инновации и динамизм: взаимосвязи систем и технического прогресса [Текст] / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 4–31.
9. Малахинова, Р. П. Циклы Кондратьева и периодические кризисы мировой экономической мысли [Текст] / Р. П. Малахинова // Вестник Моск. ун-та. Серия Экономика. – 2012. – № 1. – С. 85–102.
10. Мартышан, Е. М. Современная экономическая парадигма и развитие экономической теории [Текст] / Е. М. Мартышан // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4. – С. 117–122.
11. Независимая газета. – 2012, 30 мая.
12. Островская, Е. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования [Текст] / Е. Островская // МЭ и МО. – 2012. – № 4. – С. 30–31, 25–35.
13. Смирнов, А. Еще раз о мифе кондратьевских волн [Текст] / А. Смирнов // Экономист. – 2012. – № 4. – С. 36–60.
14. Столбов, М. Некоторые результаты эмпирического анализа глобального кризиса 2008–2009 гг. [Текст] / М. Столбов // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 32–45.
15. Хорунжий, С. С. Синергия как универсальная парадигма [Текст] / С. С. Хорунжий // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 29–31.
16. Эксперт. – 2012, 21–27 мая.